

Отец и сын

Маркус Агирре

После разговора с мужем Яреци Маркус не знал, что делать. С одной стороны, он хотел увидеть отца, но с другой он боялся, что разговор с ним ничем хорошим не окончится, и он снова окажется на улице. И здесь, в Пекине, ему будет очень сложно, так как китайский он до сих пор не выучил.

Но он думал недолго, что ему делать. В один день Яреци с мужем и дочерью отправились в Пекин, и Маркус напросился с ними. Он был уверен, что его пошлют ко всем чертям, но ему предложили отправиться с ними. И, что самое неожиданное, это предложение поступило не от сестры, которая любит совать нос в чужие дела, а от Тору. И он воспользовался предложением. Весь путь до Пекина он делал вид, что его попросту не существует, хотя иногда порывался сказать им что-то оскорбительное или подраться с Тору, но в этот раз он себя сдерживал, хотя это было очень трудно.

По приезду в Пекин он столкнулся с большой трудностью - отсутствием денег и жилья. И это его пугало. И хоть ночевать он привык и на улице, то без денег было очень тяжело. Потому что надо было на что-то есть.

Через два дня ему на телефон пришло сообщение с адресом больницы и номером палаты, в которой лежит его отец, и он понял, что тянуть нельзя. Прошло уже больше недели с того момента, как он узнал об этом, а отца до сих пор не выписали из больницы. Значит ли это, что случилось что-то страшное? Он набрал номер сестры, но звонок быстро скинули. И не перезвонили, из-за чего он сделал неправильный вывод, что не нужен никому. В принципе, вывод был не совсем неправильный, но о Маркусе в этой семье думали в последнюю очередь. О нём вообще не думали. Но он решил, что раз ему всё равно терять больше было нечего, отправиться в больницу. Остановился около палаты и, глубоко вздохнув, постучался в дверь.

Путеводная Нить

Это были очень сложные переговоры, к которым он готовился чуть ли не последние лет пять своей жизни. Они должны были решить очень много проблем и вопросов, и от того, что с ним случилась эта фигня, стало ещё больше. Почему сердце не забарахлило на полтора часа позже? Почему оно вообще заболело? Ведь он никогда не жаловался на проблемы с сердцем, он болел-то всего один раз в жизни, лет в десять, кажется. А сейчас он вынужден лежать в больнице, терпеть эти капельницы, уколы и прочие манипуляции.

Очнувшись в больнице в реанимации он узнал, что у него случился сердечный приступ, и ещё немного, и мог бы случиться инфаркт. Это было неожиданностью, и он попросил медсестру написать сообщения двум людям - любимой племяннице и Моррису. Моррис пожелал скорейшего выздоровления и обещал как-нибудь позвонить, а от Яреци пришло сообщение, что они с Тору скоро поедут в Пекин и навестят его.

Через несколько дней они действительно его навестили, и он даже стал улыбаться и шутить, а также ему разрешили потискать малышку Кимико. Игра с маленькой внучатой племянницей придала ему немного сил и уверенности, и он понял, что сейчас сдаваться не имеет права. Однако после ухода Яреци и Тору у него появилось предчувствие, началась паника, и всю ночь он практически не спал. В голове было очень много мыслей, и вскоре он с ужасом понял, что крутятся они вокруг одного человека, которого он не желает больше никогда видеть в своей жизни. Он и не вспоминал о нём, да и Яреци ничего не говорила. Он знал, что мальчишка жил в монастыре. И всё, больше его жизнь не касалась сеньора Агирре. Он мечтал забыть об этом мелком подонке, но его образ всё возвращался и возвращался в сознание.

Говорят, что перед смертью начинаешь думать о самых родных людях. В воспоминаниях никого больше не было - только Маркус. И короткие и счастливые месяцы жизни с его матерью. И всё. Может быть, он теперь встретится с любимой женщиной? Может, теперь он будет счастлив, уйдя в другой мир?

Но он постарался побороть свою слабость, потому что ему начали названивать коллеги по работе, а секретарша принесла одежду и рабочий ноутбук. Впереди было еще несколько деловых встреч, и без него это пройти не могло.

Когда раздался неуверенный стук в дверь, он оторвался от ноутбука и внимательно посмотрел на дверь, думая, кто бы это мог быть. Пригласив войти, он удивленно ахнул.

- Ты?! Что тебе надо? - прошипел он, не желая видеть этого человека.

Маркус Агирре

Он посмотрел на отца и ужаснулся его виду. Осунувшееся и худое лицо, мешки под глазами, острые скулы и подбородок. Глаза до сих пор сверкают гневом, и он понял, что ему до сих пор не рады.

Он помялся на пороге и вошел в палату, бегло ее осмотрев. Это была двухместная палата, с ремонтом, явно платная и удобная. Вторая койка не была занята, а единственный стул был завален всяким барахлом. Маркус сделал несколько неуверенных шагов и остановился около отца. Тот сидел на кровати, сложив ноги по-турецки и положив на них ноутбук, и явно работал. Даже сейчас, оказавшись в больнице, отец не мог оторваться от работы и полежать спокойно. Потому что отец никогда не болел и не отдыхал. Он, кажется, вообще никогда не брал себе выходных, работая на износ. Маркус глубоко вздохнул.

- Отец, как ты себя чувствуешь? - Неуверенно спросил он дрогнувшим голосом и опустил голову.

Путеводная Нить

- Мне еще раз повторить вопрос? - Прошипел мужчина, устало вздохнув. Где-то в глубине души он был рад видеть сына, но злость и обида, а также наигранное безразличие к его судьбе и жизни были сильнее отцовских чувств. Он бегло

осмотрел сына и покачал головой. Он надеялся, что тот, оставшись без поддержки, возьмется за ум, но этого не произошло. И от этого было больнее, так как он понимал, что упустил в воспитании что-то очень важное.

Он всегда был на работе и очень редко уделял внимание своему сыну, оставив его сначала на нянь, а потом родителям и сестре. Последняя в нем души не чаяла, старалась заботиться о нем. А он...

Мужчина смерил мальчишку недовольным взглядом и нахмурился. Молчание затягивалось, и он взял ноутбук и стал дальше работать, понимая, что не добьется от этого упрямого мальчишки ничего.

Маркус Агирре

Он понимал, что отец ему не рад. Он хотел уйти, снова сбежать от проблем, но почему-то не мог сделать и шага. Отец выглядел сердитым, и в его образе ничего не изменилось. Он неуверенно поднял голову, услышав щелканье кнопок на клавиатуре, и увидел, что отец работает. Может быть, уйти? Отцу он не нужен, и тот это показал.

- Я... пришел навестить тебя, папа, - прошептал молодой человек дрогнувшим голосом. Отец молчал, и Маркус понял, что тот просто делает вид, что его просто не существует.

Он нашел в себе силы сдвинуться с места и сделал пару шагов назад. Возможно, надо было подойти к отцу, проявить какие-то сыновьи чувства, поддержать, но он просто не умел это делать. Он не знал, что такое сострадание, он не знал, что такое смерть близкого человека. Отец сильно переживал из-за смерти бабки и винил себя, что не смог приехать на ее похороны. Маркус был рядом, когда она умирала, но не соизволил появиться даже на поминальном обеде, хоть его и уговаривала тетка. Но он нашел сто причин, чтобы отдохнуть и развлекаться с друзьями вместо того, чтобы поддержать в трудную минуту тетку и отца. А потом у тетки съехала крыша, и он воспользовался ее состоянием, чтобы повлиять на отца.

- Вижу, я тебе не нужен. Я тебе никогда не был нужен! - Прошипел Маркус, глядя на отца. - Я ненавижу тебя! Ты не должен лишать меня наследства из-за этой овцы!

Путеводная Нить

Пока мальчишка, которого он всеми силами старался перестать называть сыном, молчал и не действовал на нервы, мужчина работал. Он хотел, чтобы тот ушел, желательно ничего не говоря. Но упрямый мальчишка, кажется, не хотел просто так уходить. Первые его слова заставили бровь удивленно поползти вверх. Он даже оторвался от экрана ноутбука и поднял голову, чтобы внимательно посмотреть на сына. А последующие слова и вовсе дали понять, что Маркус даже и не думал раскаиваться. И почему-то от последних слов сына стало больно. Что-то сжалось в груди.

Он закрыл крышку ноутбука и спустил ноги с кровати. Первая попытка встать окончилась провалом, а вот вторая удалась. На слабых ногах, делая неуверенные шаги и понимая, что вставать вообще не стоило, он, тем не менее подошел к

мальчишке и залепил ему сильную пощечину.

- Проваливай! Я не желаю тебя больше видеть! - Прошипел он, глядя в его глаза. А потом поморщился от неприятной боли в груди.

Маркус Агирре

Надо было уйти сразу, но он почему-то этого не сделал. Он просто стоял и смотрел, как отец встаёт с кровати и подходит к нему. А потом тишину разрезал звук пощёчины. Маркус вздрогнул от этого и сглотнул. Отступил от отца на пару шагов и уткнулся в стену. Слова отца ему не понравились, и он с горечью понял, что действительно никогда не был ему нужен. Ни ему, ни тётке, ни кому-то другому. Это понимание заставляло злиться и ненавидеть. В данном случае ненавидеть только этого человека. Потому что он ради своих корыстных целей изменил завещание в пользу этой пустоголовой курицы, хотя у неё есть ее отец, который и должен заботиться о ней. Причем здесь его отец?

Он сжал кулаки в бессильной ярости. Сначала опустил голову, но потом, через пару секунд, поднял её и прищуренно посмотрел на отца.

- Признайся, что я тебе никогда не был нужен! Признайся, наконец, что ты меня оставил, чтобы потешить своё самолюбие и всем доказывать, что ты такой крутой и бедный, что у тебя есть сын, а любимая баба, которая являлась простой шлюхой, умерла, оставив тебя с довеском! Ты никогда не был близок со мной, ты меня ненавидел, а теперь, почти сдохнув, хочешь, чтобы я попросил у тебя прощения? Да это ты должен просить у меня прощения!

Маркус и сам не понял, как сорвался на крик. Вероятно, ему этого говорить не стоило, но он не мог и дальше терпеть все накопившееся. Он не понимал, зачем это делает, ведь больница не место для семейных разборок. Он посмотрел на отца и развернулся, чтобы уйти.

Путеводная Нить

Было больно и страшно. Страшно от того, что в ушах раздавалось хаотичное биение сердца. Больно от слов сына, в словах которого было достаточно много правды, чтобы пропускать это мимо ушей. Мужчина болезненно поморщился и закрыл глаза. Наверное, каждому родителю, каким бы плохим или хорошим он ни был, как бы ни делал вид, что безразличен к своему ребенку, было больно слышать слова, в которых звучит одна ненависть. Наверное, смириться с этим невозможно. Он не хочет мириться.

Стук сердца в ушах сменился каким-то пицанием, противным и безобразным, и мужчина, широко распахнув глаза, испуганно посмотрел на сына. Сын казался расплывчатым и болтающимся, словно это было эфемерное тело, а не живой человек. Страх, животный страх приближающейся старухи с косой, стал настолько сильным, что на какое-то время Рикардо выпал из реальности. А может и не было никакой этой реальности. Мир поплыл перед глазами, в груди появилось чувство “похолодения”.

Он упал на пол, больно ударившись бровью.

- Маркус, я люблю тебя... - прошептал он одними губами.

Маркус Агирре

Отец ничего не ответил на его речь, но он стал вести себя как-то странно. Глаза стали безжизненными, и Маркус вздрогнул, увидев, что в карих глазах отца теперь нет ни гнева, ни чего-то другого. В них не было абсолютно ничего, и это безумно пугало. Неужели... Нет, об этом нельзя думать, этого не может случиться. Ведь отец... он же еще не старик. Он не может просто так умереть.

В тот момент, когда отец упал на пол, Маркус перестал думать о наследстве, о ссоре с ним. Внутри будто что-то надломилось, сопровождаемое жутким грохотом, который показался очень оглушительным в тишине палаты. Он не расслышал, что отец сказал, ведь это были всего лишь хрипы.

Он не имел представления, сколько так стоял, но его отвлекли, грубо толкнув. Он мотнул головой и увидел врача с какой-то коробкой. Две медсестры сидели около отца. Одна качала кислородный мешок, другая что-то вкалывала в вену.

- Ч... что с ним? - спросил Маркус.

- Вы что творите?! Зачем вы разрешили ему вставать?! - С укором спросила одна медсестра.

- Он... он...

- Жить будет. Уходите, не мешайтесь здесь. - Врач указал на дверь.

Маркус вышел из палаты и направился по коридору. Он боялся остановиться. Он боялся, что отец не выкарабкается. Что тогда делать? Как смотреть людям в глаза?
